

УДК 82.09

Сазонова Л.И.

**МИХАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2014.
А.В.МИХАЙЛОВ КАК ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. А.В.Михайлов (1938–1995) – крупнейший теоретик и историк литературы и культуры, германист, искусствовед, музыковед. Его научное наследие обширно и в значительной своей части опубликовано посмертно. Труды ученого масштабны и по постановке проблем, и по охвату широкого историко-культурного материала. Осмыслению научного наследия А.В.Михайлова посвящены ежегодно проводимые в ИМЛИ РАН конференции по теории литературы «Михайловские чтения». В 2014 г. на конференции «А.В.Михайлов как теоретик литературы и культуры» прозвучали доклады, посвященные осмыслению научного наследия А.В.Михайлова, его методологии, аспектам истории науки и мирового литературного процесса, ключевым словам науки о литературе, исследованию творчества европейских и русских писателей, истории литературных жанров.

Ключевые слова: Михайловские чтения, Александр Викторович Михайлов, мировой литературный процесс, историческая поэтика, сравнительное литературоведение, барокко, обратный перевод, музыковедение.

10–11 декабря 2014 г. в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН состоялись ежегодные «Михайловские чтения». Тема конференции «А.В.Михайлов как теоретик литературы и культуры» связана с созданием в Отделе теории литературы ИМЛИ РАН коллективного труда «А.В.Михайлов – исследователь литературы и культуры: идеи, концепции, методы», в котором предполагается осмыслить научное наследие ученого.

В конференции приняли участие теоретики и историки литературы, стиховеды, музыковеды из разных научных центров – ИМЛИ РАН, МГУ, РГГУ, из Дагестанского гос. университета

(Махачкала), Северо-Осетинского гос. университета им. К.Л.Хетагурова (Владикавказ), Тюменского гос. университета, Московской гос. консерватории им. П.И.Чайковского, Ростовской гос. консерватории им. С.В.Рахманинова, Гос. музыкально-педагогического института им. М.М.Ипполитова-Иванова, а также из Института искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной Академии наук Украины (Киев).

На четырех заседаниях конференции прочитано 18 докладов, каждый из них сопровождался научной дискуссией.

В докладе **Галины Ивановны Данилиной** (Тюменский гос. ун-т). «Судьба науки в докладе А.В.Михайлова «Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland» речь шла о том, что на рубеже 1980-1990-х гг., в переломное для России время, А.В.Михайлов продумывает концепцию истории науки как «творческой дисциплины», предназначенной занять центральное место среди всех литературоведческих дисциплин. Г.И.Данилина ставит вопрос, в чем заключается творческое содержание истории науки по замыслу А.В.Михайлова. Основным материалом составляет текст доклада А.В.Михайлова «Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland» («О современном состоянии германистики в России»), сделанного им на международном симпозиуме «Germanistik in Mittel – und Osteuropa 1945-1992» (Марбах, 1992). Контекстный материал – работы А.В.Михайлова начала 1990-х гг., связанные с дальнейшим развитием его концепции («Несколько тезисов о теории литературы», «Н.М.Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком» и др.)

Главный предмет обсуждения – парадоксальная мысль А.В.Михайлова, согласно которой в России есть германистика, но нет германистов (германистов «в себе», «чистых» германистов). Проблемы истории науки рассматриваются в сближениях и расхождениях с западной традицией; выявляются принципиальные отличия концепции Михайлова и ее глубокий творческий смысл.

Фатима Константиновна Бесолова (Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л.Хетагурова, Владикавказ) выступила с докладом «Герменевтическое пространство А.В.Михайлова». Исследователь обратила внимание на то, что развивая идею исторической поэтики как идею «обратного перевода» и беря за основу идейные константы эпохи («историко-культурную аксиоматику»), А.В.Михайлов задает культурологическую ориентацию изучению литературы и возвращает искомый синтез теоретическому и историческому литературоведению. Подобная логика исследований культуры и литературы («общие горизонты истории культуры» как смысл науки о литературе) целиком укладывается в современную парадигму культуры.

В докладе «Сближение, опосредование и совмещение теоретического и исторического знания о литературе» в работах А.В.Михайлова» **Джульетта Леоновна Чавчанидзе** (МГУ) рассмотрела теоретические выводы А.В.Михайлова об условности типологии историко-литературного явления и границ между подобными явлениями, о нецелесообразности общего понятия о каком-либо явлении или жанре на конкретном историко-литературном материале (романтизм, жанровая трансформация романа к XIX веку, своеобразие развития немецкой литературы).

В докладе **Юрия Борисовича Орлицкого** (РГГУ) «А.В.Михайлов о стихе, прозе и стихотворениях в прозе (в частности, Жан-Поля и Геснера)» был рассмотрен частный, на первый взгляд, теоретический вопрос об отношении Александра Викторовича к проблеме соотношения стиха и прозы. Как известно, Михайлов стиховедением не занимался, но прекрасно разбирался и в этой отрасли филологии. Доказательства этого – рассеянные по его работам рассуждения о практической метрике и теоретическом представлении о ней разных авторов, например, Карамзина («Николай Михайлович Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком»).

А.В.Михайлов был предельно историчен в трактовке стиха, прозы и разного рода переходных форм, опираясь в первую очередь на представление о риторичности / антириторичности. По его мнению, «и в прозе сохраняется упорядоченное, мерное, метрическое движение волн. Оно должно захватить слушателя, читателя, но, конечно же, не «чистой» равномерной ритмикой, а выраженным, запечатленным в нем жизненным законом, миропорядком. Это – упорядочение смысла, обобщение жизненного материала, обнаружение той смысловой вертикали, которая так или иначе сопрягает все житейское, жизненно-конкретное с высшим смыслом, с высшей ценностью». Далее он приводит пример из «Слова о полку Игореве», то есть тем самым показывая, что для него это – безусловно образец риторической прозы, а не поэзии, как считали и считают многие.

Интерес представляют также рассуждения А.В.Михайлова о переложениях прозы в стихи у Шиллера и Гёльдерлина. Но наиболее интересны трактовки им прозаических идиллий С.Гесснера, чрезвычайно популярного в Европе конца XVIII в. и в России рубежа XVIII–XIX вв. писателя, по поводу которого ученый писал: «Не вполне просто отвечать на вопрос, почему Гесснер сделал свой выбор в пользу прозы, причем в жанре, образцы которого написаны стихами» и, предлагая свое объяснение такого выбора, отказывает им в праве претендовать на статус «стихотворений в прозе», хотя и отмечает наличие метра в их структуре.

С другой стороны, отмечает А.В.Михайлов, «убежденный прозаик Жан Поль уже пишет свои “полиметры”, именно стихотворения в прозе, нарочито и настоятельно ставя свои неуклюже-угловатые тексты в один ряд со стихами и заставляя рассматривать их наряду с последними: читательское сознание обязано и ощущать, и закрывать пропасть, зияющую между такими стихами и привычными стихотворениями», трактуя полиметры из романа «Юные годы» именно как прозаические, а не как свободный стих.

Игорь Николаевич Юдкин (Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной Академии наук Украины, г. Киев) в докладе «Театрально-литературные взаимосвязи в свете трудов А.В.Михайлова» осветил следующие положения:

1. Игровые и сценические предпосылки риторической традиции освещались А.В.Михайловым непосредственно в связи с критическим анализом концепции Й.Хейзинги. Преображение эмблематики в театральность показано в кандидатской диссертации А.В.Михайлова о творчестве

Й.Фюссли. Теоретическое осознание исторического завершения риторической традиции происходило одновременно со становлением прозаической драмы, предлагавшей сценическое представление разговорной речи и преодоление прежнего дуалистического противопоставления комедии и трагедии. Одновременно складывается повествовательный способ представления реальности через ее отображение во внутреннем мире персонажей (несобственно-прямая речь, поток сознания, восходящие к Л.Стерну). Работы А.В.Михайлова по этой переходной эпохе рубежа XVIII и XIX столетий позволили обосновать антитезу «быт – бытие», созвучную идеям об истоках театральности в возможных мирах воображения.

2. Бидермейер, как сентиментальный стиль немецкой салонной традиции, в значительной мере вовлекал в свой круг театральность интерьера, причем особое значение обретает поэтика кукольного театра, марионетки (Г.Клейст), а через нее и целого мира детства, рассматривавшегося как подлинный первоисточник театральности. Михайлов показал, что бидермейер отсылает именно к барочным представлениям, к готовым «концептам», предполагающим наличие установившейся системы знания. Отсюда возникает особый путь решения проблемы интеграции литературного текста, достижения его целостности, сопоставимый с тем, как преодолевается хаос реплик в сценической речи (например, в *qui pro quo*), а многообразии характеров и ситуаций подводится под систему амплуа и этюдов.

3. Формирование режиссерского театра в начале XX века, со своей стороны, было подготовлено развитием образа автора в литературных текстах как «зеркала» персонажей (Вл.И.Немирович-Данченко), которое, в свою очередь воссоздавало роль хора в античной драме. Основание для такого предположения дает тезис Михайлова о «рефлексивности» как одном из жанровых свойств романа. Повествовательный ряд оказывается сопоставим с «предлагаемыми обстоятельствами», где образ автора предстает как партнер персонажей в разыгрываемом спектакле воображаемого театра (вместо так называемого «всезнающего» автора). Рефлексия в романе может истолковываться через инсценизацию как автодескрипцию, раскрывающую интерпретационные возможности, скрытые в тексте.

4. По А.В.Михайлову, «писательская аранжировка действительности» представляется как воображаемый театр, допускающий и предполагающий сценическую интерпретацию. Подход, позволяющий представить «роман как дивертисмент жанров», дает возможность выявлять общность со «смещением» или неоднородностью как родовой особенностью драмы. Театральность романа выявляется в том, что повествование ведется как бы от лица самой реальности, представляемой наблюдателем и рассказчиком, которые оказываются ее устами, медиумом, подобным исполнителю драматического текста. Автор, таким образом, оказывается одним из персонажей спектакля, представляемого реальностью. Тезис о том, что «драма изнутри пронизывает роман», позволяет предположить о возможностях истолкования некоторых литературных явлений как «сцены на сцене» по отношению к реальности как вселенскому театру.

5. Противопоставление А.В.Михайловым новеллы роману на основе обособления события позволяет предположить в ней источник монодрамы. Александр Викторович находит «драму в форме идиллии» у А.Штифтера и обосновывает параллель между Т.Фонтане и А.П.Чеховым, что подсказывает путь к исследованию сценических возможностей новеллистики на грани XIX и XX вв. Превращение слова в образ обнаруживает подобие перевоплощению актера, предполагающему обретение имени исполняемого персонажа. Образ предстает как предел переименований. Такие метаморфозы особенно наглядно продемонстрированы в барочном романе и у позднейших преемников его традиции как «театра вещей».

Перечисленные положения позволяют рассматривать инсценизацию прозы как «двойной мимесис» (Г.Лукач) или двойную рефлексию. Это создает дополнительные предпосылки для изучения новеллистики второй половины XX в. как театрального, а не только литературного явления.

Ирина Львовна Попова (ИМЛИ РАН) в своем докладе «Книга Э.Р.Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» и ее значение для исторической поэтики» рассмотрела значение книги Э.Р.Курциуса (1948) для русской исторической поэтики. Тема доклада продолжает и развивает исследование проблемы исторической поэтики и западного литературоведения, поставленной А.В.Михайловым. За конкретным научным сюжетом вскрываются общетеоретические вопросы синхронизации и системного описания истории идей в русском и европейском гуманитарном знании XX века, в их связях и отношениях, в параллельном освоении общих источников.

Историческая поэтика и «наука о европейской литературе» рассматриваются в аспекте исследования морфологии континуума: эта техника описания больших эпох в континуальных моделях литературной истории отлична от практики диахронических исследований. Особое внимание сосредоточено на двух проблемах: 1) история терминов как основа науки о литературе; 2) представление о нераздельности истории литературы и истории наук о ней, невозможность понимания одной без изучения другой. В качестве основного примера рассматривается проблема истории поэтики и риторики, взятая сквозь призму меняющегося понимания поэзии, – проблемы, изучение которой было задано книгой Курциуса, а в отечественном литературоведении осуществлено исторической поэтикой.

В докладе **Евгении Викторовны Ивановой** (ИМЛИ РАН) «А.В.Михайлов о реформе орфографии и ее последствиях» речь шла о статьях А.В.Михайлова, касающихся текстологии изданий, воспроизводивших особенности авторской орфографии и пунктуации. В советское время сложилась традиция подвергать авторскую орфографию унификации в соответствии с нормами современного русского языка. А.В.Михайлов в целом ряде статей подчеркивал, что орфография подлинника является значимым элементом произведения, и ратовал за ее сохранение хотя бы в научных изданиях. В последние годы жизни сразу в нескольких статьях он поднимал вопрос о

текстологических принципах издания литературных памятников по старой орфографии, хотя обобщенной работы, посвященной этой теме, так и не написал. В докладе Е.В.Ивановой была предпринята попытка восстановить его взгляды на эту проблему, опираясь на несколько его работ.

Впервые вопрос об авторской старой орфографии был поднят А.В.Михайловым в рецензии 1991 г. на издание романа Ф.М.Достоевского «Бесы», подготовленное В.Н.Захаровым, затем – в рецензии на издание «Иконостаса» о Павла Флоренского, подготовленное А.Г.Дунаевым (1994 г.), и, наконец, в неопубликованной при жизни работе о нотных изданиях, тексты которых создавались по старой орфографии. В докладе было показано, что поэты, которым довелось пережить реформу орфографии при жизни, – Вяч.Иванов, А.Блок, Ф.Сологуб, Л.Рейснер и др. – возражали против издания их сочинений по новой орфографии. Насильственный переход на новую орфографию, введенную декретом Наркомпроса от 23 декабря 1917 г. и утвержденным декретом СНК РСФСР от 10 октября 1918 г., оказался для здравствующих писателей процессом весьма и весьма болезненным. Так что далеко не случайно А.В.Михайлов, как истинный филолог, горячо поддерживал идею научных изданий, основанных на авторской орфографии и орфографических нормах соответствующей эпохи.

Одна из ключевых тем научного творчества А.В.Михайлова – литература и культура барокко, которой ученый посвятил ряд работ. Проблематике литературного барокко в свете концепции А.В.Михайлова были посвящены доклады Л.И.Сазоновой, М.Ф.Надъярных и А.В.Голубцовой.

В докладе «Идея А.В.Михайлова о барокко после барокко (“Nachleben des Barock”, “Nachbarock”)» **Лидия Ивановна Сазонова** (ИМЛИ РАН) отметила, что впервые эту идею А.В. Михайлов выдвинул весной 1988 г. на Международном конгрессе, посвященном столетию выдающегося чешского ученого Франка Волльмана, положившего начало современной компаративистике (Чехословакия, Прага). А.В.Михайлов выступил как компаративист с докладом о некоторых поздних отражениях литературы барокко, основываясь на анализе творчества немецкого барочного автора второй половины XVII в. Иоганна Беера и писателя-реалиста Ивана Александровича Гончарова. Совпадения между Беером и Гончаровым ученый определил тогда понятием «Nachleben des Barock», используя внутреннюю форму слова Nachleben (после жизни). Впоследствии А.В.Михайлов продолжил работу над темой и написал пространную статью «Иоганн Беер и И.А.Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко» (опубликовано: Контекст 1993. М., 1996. С. 263-295; переизд.: Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 378-404). Разворачивая систему аргументации, он охарактеризовал совпадения между Беером и Гончаровым уже как «барочный резонанс в реализме».

По определению А.В.Михайлова понятие «Nachleben des Barock» обозначает «продолжающуюся традицию барокко, выходящую отдельными своими сторонами за рамки отведенного ему времени». Формы переживания барокко, его Nachleben могут быть разнообразными, и в качестве

примера он приводит творчество Жан-Поля (рубеж XVIII-XIX вв.) и эмблематические мотивы в творчестве поэта-романтика Йозефа Эйхендорфа (1788-1857). Понятие «Nachbarock» относится к постбарочному этапу литературы, им обозначаются «бароккоподобные явления в позднейшей литературе, в которых приметные черты барокко воскрешаются, доказывая, что они и не исчезали, а только вели тихое подспудное существование среди чуждых им вещей». Культурные традиции, идущие из барокко, прослеживаются в немецкой литературе, например, в «Фаусте» Гете, в русской в творчестве Гоголя, в украинской – у Г.Ф.Квитка-Основьяненко. Продолжающуюся традицию барокко можно наблюдать за пределами барокко там, где используется эмблематика, мифоподобные структуры. Поиски искусством начала XX в. новых выразительных возможностей предопределили обращение авангарда к эстетическим принципам конструирования художественного мира, имеющим соответствия в литературе барокко. А.В.Михайлов предлагает также различать «феномены барочного резонанса» и «сознательную стилизацию под барокко в позднейшей литературе (“необарокко” наряду со всевозможными “неорококо” и “неоромантизмами”»).

Проанализированная в докладе Л.И.Сазоновой работа ученого представляет особый интерес с точки зрения методологии исследования совпадений, схождений между явлениями литературы и культуры, принадлежащих разным эпохам и стилям.

В докладе «Барокко как константа латиноамериканской идентичности (к проблеме общего и особенного в “терминах движения” по А.В.Михайлову)» **Мария Федоровна Надъярных** (ИМЛИ РАН) анализировала особенности восприятия культуры XVII в. и специфику освоения барокко латиноамериканскими гуманитариями и литераторами от рубежа XIX-XX вв. ко второй половине XX в., обращаясь к текстам Р.Х.Куэрво, Р.Дарио, М.Адана, Х.Л.Борхеса, А.Рейеса, П.Энрикеса Уреньи, М.Пикона Саласа, Х.Лесамы Лимы, А.Карпентьера, О.Паса, С.Сардуя и др. Устанавливая общую системность взаимодействия научного и литературно-художественного самоидентификационно ценностного постижения смыслов барокко в Латинской Америке, докладчица уделяла особое внимание методологическому потенциалу созданной А.В.Михайловым концепции литературного процесса, сопоставляя осмысление эпохи барокко А.В.Михайловым с идеями ученого о роли «терминов движения» в историзирующем видении литературной динамики, с его пониманием «ключевых слов» науки о культуре.

В докладе «“Великая конфузия” мира и текста в ранних романах Дж. Манганелли» **Анастасия Викторовна Голубцова** (ИМЛИ РАН) обратилась к творчеству Джорджо Манганелли — одного из ключевых представителей итальянского неоавангарда, активного участника «Группы 63». Оксюморонное заглавие его первого романа «Хиларотрагедия» (Hilarotragedia, 1964) служит своеобразной структурной метафорой, отражающей основные особенности текста: его неоднородность, фрагментарность, смешение жанровых кодов и времен культуры. Воспринимая роман как жанр идеологизированный и искажающий саму природу художественного творчества, писатель отказывается от романного повествования и обращается к старинным литературным

жанрам — в первую очередь, к жанрам эпохи барокко. На новом историческом этапе Дж.Манганелли сознательно воссоздает те формальные и содержательные особенности барочного текста, которые выделяет, в частности, А.В.Михайлов в работе «Поэтика барокко: завершение риторической эпохи». Однако такое возрождение возможно только в форме пародии, поскольку автор использует характерные барочные приемы в совершенно иной исторической ситуации и на иных идеологических основаниях. Как отмечает А.В.Михайлов, барочный автор «творит вслед за Богом и первым делом принимая во внимание [...] все те странности, что творятся в современном мире, — они, эти странности, суть составные той великой “конфузии”, которая должна и которой предстоит разрешиться в столь же великую окончательную гармонию всего». В современной же ситуации — в ситуации смерти бога, когда мир лишается своей смыслообразующей основы, а слово утрачивает упорядочивающий потенциал, которым оно обладало в условиях риторической эпохи, автор уже не мыслит себя «вторым Богом» и потому не способен творить гармонию, а может лишь отображать в своих текстах хаотичную и распадающуюся реальность.

Доклад **Анны Григорьевны Волховской** (ИМЛИ РАН) был посвящен теме: «А.С.Пушкин в России и Испании (феномен национального понимания романтизма в концепции А.В.Михайлова)». А.В.Михайлов отмечал в своих исследованиях двоякую сущность романтизма. С одной стороны, это «романтизм, как он существовал “от и до”, включающий в себя ряд явлений и исключаящий другие», с другой стороны, — это «романтизм, каким он был в сознании людей в эпоху своего существования в первом смысле и впоследствии, в науке» (Михайлов А.В. «Вводная часть доклада «Генрих фон Клейст и проблемы романтизма»). Сущность романтизма, считал А.В.Михайлов, расположена в сфере реальности, и один из самых важных ее компонентов — это историчность. В каждой культуре, в зависимости от ее исторических реалий, складывалось свое представление о романтизме, его исторических границах, периодизации и т.д. И, судя по всему, каждая культура на вопрос, «является ли какое-то явление литературы романтическим или нет?», может ответить по-разному. Подобная ситуация сложилась вокруг образа А.С.Пушкина в испаноязычной культуре. В Испании на протяжении последних ста пятидесяти лет складывалось представление об А.С.Пушкине как о романтике. Образ романтического А.С.Пушкина продолжает существовать как вполне актуальный по сей день. Заметим, что это представление формировалось на пересечении испанского отношения к романтизму и ряда мнений авторитетных для Испании и испаноязычной Америки исследователей. Так, на рубеже XIX-XX вв. свою роль сыграла весьма популярная в испаноязычном мире книга Э.М. де Вогюэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), в которой была, как известно, отдельная глава «Романтизм. Пушкин и поэзия» (в которой Вогюэ пишет, что не только не видит в творчестве А.С.Пушкина реализма, но и отказывает ему в звании национального поэта). На книгу Вогюэ, как на основной источник, опиралась Эмилия Пардо Басан при подготовке курса лекций «Революция и роман в России», прочитанных и опубликованных в Мадриде в 1887 году. Это издание, долгое время остававшееся в Испании единственным серьезным исследованием о русской литературе, закрепило романтическую парадигму прочтения А.С.Пушкина. В дальнейшем этот романтический

канон развивался в связи с прочтением прозы А.С.Пушкина в контексте костюмбризма (для испаноязычного мира прочно ассоциировавшегося с романтизмом). Свою роль сыграла и соответствующая интерпретация различных эпизодов биографии А.С.Пушкина: и преследования властей, и любовные перипетии, и трагическая гибель виделись именно в романтической перспективе.

Доклад **Фариды Хабибовны Исраповой** (Дагестанский государственный университет, г. Махачкала) «Энергичная эстетика лирики (на материале стихотворения В.Ходасевича “Гляжу на грубые ремесла...” и стихотворения Ф.И.Тютчева “Хоть я и свил гнездо в долине...”») посвящен вопросу создания энергичного, то есть «живописно-наглядного», «сверхъясного» образа в русской лирике.

На примере стихотворений романтического (Ф.И.Тютчев) и модернистского (В.Ходасевич) типов художественного завершения в докладе рассматривается та антиномия «вещи» и «представления» о ней, которую Гете обозначил в своей статье «Эксперимент как посредник между объектом и субъектом». В стихотворении В.Ходасевича «Гляжу на грубые ремесла...» разница проявляется между тем, на что *«глядит»* лирический герой («грубое ремесло» рыбака) и тем, что он *«знает»* («мы в раю»), между тем, куда *«смотреть нам больно»*, и тем, что *«ты скажешь»* («ангел там высокий / ступил на воды тяжело»).

В стихотворении Ф.И.Тютчева «Хоть я и свил гнездо в долине...» указанная антиномия создается по вертикали бытия (земная «долина» – горная «вершина») с соответствующими зрительными характеристиками «смотрю» и подразумеваемое «вижу»: «На недоступные громады / Смотрю по целым я часам» – «Вдруг просветлеют огнецветно / Их непорочные снега: / [Я вижу, как] По ним проходит незаметно / Небесных ангелов нога...»

Данные примеры зрительной антиномии служат доказательством реализации в русской неканонической лирике принципов «энергичного» поэтического образа, сформулированных в XVIII в. швейцарскими теоретиками Й.Я.Бодмером и Й.Я.Брейтингером. По А.В.Михайлову, «настоящая эна́ргейя» имеет место тогда, когда в живописном образе достигается не просто ясность, а сверхъясность, при этом образ осуществляется как событие эстетического общения – «во встрече “фантазий” – поэта и его читателя-зрителя» («Йоанн Якоб Бодмер и его школа»).

Татьяна Александровна Касаткина (ИМЛИ РАН) выступила с докладом «Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Блок», который является, по ее словам, «частью большой работы, посвященной истории мотива любви к Богородице в биографиях величайших русских писателей XIX – начала XX вв.: Пушкина, Достоевского и Блока. Этот мотив проходит через их жизни, отражаясь одновременно в их творчестве. Главная проблема работы вынесена в заглавие: “Что считать событием биографии?” Как правило, при написании биографии мы считаем себя вправе описывать внешние события жизни, то, что Достоевский называл “насу́щным видимо-текущим”. Между тем, жизнь настоящего писателя, как правило, совсем не укладывается в

конструкцию «насушного видимо-текущего». И если мы будем описывать события его жизни в этих доступных нам рамках, то мы совсем ничего не поймем ни в жизни писателя, ни в его творчестве. Тем более мы ничего не поймем о тех событиях в жизни писателя, так или иначе зафиксированных им самим, которые нам представляются некими приключениями сознания или отвлеченно-философскими рассуждениями, а для него, как правило, являются центральными, стержневыми эпизодами его биографии, определяющими все его жизненное пространство. Уточню, – продолжает докладчица, – биографии, понятой как личностное становление. Ведь биография, в соответствии со значением слова, – это не столько записки о жизни, сколько «запись в живом». Биография – это то, что «прописывается» в человеке некими событиями, совершенно неважно, доступными или недоступными взору стороннего наблюдателя. В докладе рассматривается событие сватовства и женитьбы Блока в свете того несовпадения взглядов на происходящее, восприятия одного и того же события на разных уровнях, которое обнаруживается в неотправленных письмах 1902 года самого Блока и Л.Д.Менделеевой».

Как известно, А.В.Михайлов являлся не только историком и теоретиком литературы, но и музыковедом. Анализу его музыковедческих работ, сочетающих разные аспекты гуманитарного знания – литературоведения и музыкознания, – были посвящены доклады заключительного заседания.

Даниил Рустамович Петров (Московская государственная консерватория им. П.И.Чайковского) в докладе «Оперное либретто как предмет музыковедения» отметил значение литературоведческого подхода к изучению оперного жанра.

Литературный текст хотя и признается в музыкознании одной из определяющих частей синтетического целого, каким является опера и всякое музыкально-поэтическое произведение, обычно остается в музыковедческих исследованиях на втором плане. И такое положение вполне закономерно, если иметь в виду специфический материал этой отрасли гуманитарного знания. Поэтому работы литературоведов (а частности, Ю.Б.Орлицкого), посвященные либретто (пусть даже только как литературному произведению), ценны как необходимое дополнение к обычному музыковедческому изучению оперного жанра, дополнение, исходящее из иных исследовательских предпосылок и способное представить данные, которые иначе вряд ли были бы получены.

Вместе с тем, уже из-за его особой функции быть «положенным на музыку», музыковедческие подходы к либретто точно так же могут иметь значение, превосходящее, на наш взгляд, сферу интересов одной лишь науки о музыке. Либретто — именно такой междисциплинарный предмет, в случае которого польза, извлекаемая одной дисциплиной из данных, предлагаемых другой, особенно очевидна.

Среди тем, которые А.В.Михайлов намечал и предлагал для конференций «Слово и музыка», были и такие, которые касались либретто, а именно соотношения (взаимодействия) театральной драмы и оперы с точки зрения их литературного текста. Что уже сделано музыковедением в этом

плане и какие исследовательские перспективы открывает предложенная позиция, освещено в докладе.

В докладе **Константина Владимировича Зенкина** (Московская государственная консерватория им. П.И.Чайковского) «Шарообразность» как возможное качество музыкального смысла» предпринята попытка проанализировать оригинальную идею А.В.Михайлова о «шарообразности» музыкального смысла, высказанную ученым прежде всего, в связи с музыкой К.Сен-Санса, а также, попутно, Моцарта, Римского-Корсакова, Глазунова (Михайлов А.В. [О Сен-Сансе и шарообразном смысле // Михайлов А.В. Музыка в истории культуры: Избранные статьи. – М.: Московская гос. консерватория, 1998. – С. 223–225]. Под шарообразностью музыкального смысла А.В.Михайлов понимает его совершенную пластическую выраженность (прозрачность) и идеальную гармоничность. Контекст данного понятия-образа составляют часто употребляемые в практике искусства понятия глубины, поверхностности, которые анализируются на материале музыки, в том числе, и в связи с понятием информации. Рассматривается исторический контекст затронутой проблематики: от Платона до Г.Ф.Гегеля, Р.Вагнера, А.Лосева, М.Юдиной, Б.А.Циммермана.

В докладе **Константина Анатольевича Жабинского** (Ростовская государственная консерватория им. С.В.Рахманинова) «Преломление философских идей А.Ф.Лосева в музыковедческих работах А.В.Михайлова» характеризуются работы А.В.Михайлова, датируемые первой половиной 1990-х годов и посвященные современным проблемам изучения, постижения и актуализации идей философии музыки А.Ф.Лосева. Автором доклада отмечена ярко выраженная «музыковедческая» интенция упомянутых текстов А.В.Михайлова (статья «Ранние работы А.Ф.Лосева о музыке», фрагмент «О Сен-Сансе и шарообразном смысле», а также одна из лекций, прочитанных в Московской консерватории осенью 1993 г.): речь идет о необходимости творческого преломления лосевских «разысканий» и «совершений» предоктябрьского периода сообразно сегодняшним задачам музыкальной науки. Особое внимание уделялось А.В.Михайловым (исходя из магистральной темы его «умозрений о музыке» – смыслополагания, реализуемого в истории музыкальной культуры посредством многообразных сопряжений музыки и слова) художественным «проекциям» лосевской музыкальной эйдологии: творчеству М.Глинки, К.Сен-Санса, А.Глазунова как «скульптурно-пластической» тенденции, контрастирующей «архитектурным» устремлениям Р.Вагнера, А.Скрябина, А.Веберна и др. В докладе проводится параллель между рассуждениями А.В.Михайлова и некоторыми тенденциями отечественного музыковедения (статья Б.В.Асафьева «Французская музыка и ее современные представители», относящаяся к середине 1920-х гг.).

Доклад «Поэтическая и музыкальная интонация в свете идей А.В.Михайлова о музыкальности поэзии» **Юлия Михайловна Опарина** (Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М.Ипполитова-Иванова) посвятила анализу музыкальности поэзии Блока, понимаемой, по А.В. Михайлову, как «засловесный» или «транс-словесный» смысл, присущий поэтическому тексту. Явлением транслирующим «засловесное» становится поэтическая интонация, «звукосмысл»

стиха. Именно интонация представляется автору областью пересечения формального и «содержательного» аспектов поэтического текста, поскольку является в равной мере и структурным, и эмоционально-смысловым его компонентом. Интонационное становление композиции стиха раскрывается как явление, родственное аналогичному музыкальному процессу, поэтому особую остроту приобретает проблема сохранения поэтической интонации в музыкальной интерпретации стихотворения. Возможности и способы воплощения поэтической интонации в музыке рассмотрены на примерах нескольких композиторских прочтений стихотворений А.Блока.

Евгения Ивановна Чигарева (Московская государственная консерватория им. П.И.Чайковского) поделилась воспоминаниями «Каким я знала Александра Викторовича Михайлова».

Во время заключительной дискуссии были подведены итоги работы конференции и объявлена тема следующих Михайловских чтений (9–10 декабря 2015 г.) – «А.В.Михайлов исследователь литературы и культуры: Идеи, концепции, методы». Тема будущей конференции связана с созданием в Отделе теории литературы ИМЛИ коллективного труда, обобщающего отдельные наблюдения над различными аспектами научного творчества А.В.Михайлова. Главная задача такого труда состоит в том, чтобы открыть А.В.Михайлова как выдающегося исследователя литературы и культуры более широкой гуманитарной аудитории.

© Сазонова Л.И., 2015.

Материал поступил в редакцию 16.01.2015.

Сазонова Лидия Ивановна,

доктор филологических наук,

главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва),

e-mail.: Lsazonova@mail.ru

UDC 82.09

Sazonova L.

**MIKHAILOV'S READINGS 2014. A.V. MIKHAILOV AS A THEORIST
OF LITERATURE AND CULTURE.**

Abstract. A.V.Mikhailov (1938-1995) is the largest theorist and historian of literature and culture, germanist, art critic and musicologist. His scientific heritage is extensive and in large part published posthumously. The scholar's works are very extensive in formulation of problems, and in coverage of broad historical and cultural material. The Annually Conference on Literary Theory "Mikhailov's

Readings" (held by A.M.Gorky Institute of World Literature RAS) are devoted to understanding the scientific heritage of A.V.Mikhailov. In 2014, at the Conference "A.V.Mikhailov as a theorist of literature and culture," the reports were devoted to comprehension of his scientific heritage, its methodology, aspects of the history of science and the world literary process, keywords of the literary scholarship, the investigation of works by European and Russian writers, the history of literary genres.

Key words: Mikhailov's Readings, Alexander Mikhailov, the world literary process, historical poetics, comparative literature, Baroque, translation, musicology.

Sazonova Lidia Ivanovna,

D. in Philology,

Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow),

e-mail: Lsazonova@mail.ru